

ДОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ЦМК «Общих гуманитарных, социально-экономических, математических и естественнонаучных дисциплин»

Учебное пособие

по дисциплине

«ЛИТЕРАТУРА»

«Золотой век русской поэзии»

(хрестоматия)

Автор:

Салтан А.Н.

Ростов-на-Дону, 2023

Аннотация

В хрестоматии содержится краткая информация о выдающихся представителях «золотого века» русской поэзии и их произведения, предусмотренные программой изучения курса «Литература».

Предназначено для обучающихся первого курса очной формы обучения по специальностям: 49.02.01 «Физическая культура»; 22.02.06 «Сварочное производство»; 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения»; 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учет»; 09.02.04 «Информационные системы»; 09.02.05 «Прикладная информатика»; 15.02.08 «Технология машиностроения»

Автор

Преподаватель СПО
Салтан А.Н.

Оглавление

Введение	4
1. Творчество А.С. Пушкина	5
2. Творчество М.Ю. Лермонтова	24
3. Творчество Ф.И. Тютчева	37
4. Творчество Н.А. Некрасова	44
5. Творчество А.А. Фета	52
6. Творчество А.К. Толстого	57
Перечень использованных ресурсов	63

Введение

Хрестоматия, как вид учебного пособия, используется для образовательных целей, в которое отбираются произведения и отдельные их части, необходимые для изучения конкретной учебной дисциплины. Литературные хрестоматии формируются, как правило, по временному принципу и объединяют ключевые для той или иной эпохи произведения, необходимые для изучения образовательной программы.

Данное учебное пособие по литературе имеет практическое значение для студентов 1 курса СПО всех специальностей подготовки. Оно включает в себя краткие биографические сведения о поэтах 19 века, а также тексты их стихотворений, необходимые для работы по дисциплине и предусмотренные рабочей программой.

Учебное пособие носит хрестоматийный характер и позволяет работать с материалами по следующим темам рабочей программы учебной дисциплины «Литература»:

- Творчество А.С. Пушкина;
- Творчество М.Ю. Лермонтова;
- Творчество Ф.И. Тютчева;
- Творчество А.А. Фета;
- Творчество А.К. Толстого;
- Творчество Н.А. Некрасова.

Краткие биографии и тексты стихотворений поэтов «Золотого века», представленные в пособии, способствуют формированию у студентов умений, прописанных в ФГОС дисциплины «Литература», а именно:

- воспроизводить содержание литературного произведения;
- анализировать и интерпретировать художественное произведение;
- сопоставлять литературные произведения;
- выразительно читать изученные произведения (или их фрагменты), соблюдая нормы литературного произношения.

Материал учебного пособия может быть использован как в процессе аудиторных лекционных и практических занятий, так и при подготовке самостоятельной и домашней работы студентов.

1. Творчество Пушкина А.С.

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837)

Великий русский поэт и писатель Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 6 июня 1799 г. С раннего детства Пушкин рос и воспитывался в литературной среде, так что можно с уверенностью сказать о том, что его будущее было предопределено. Отец Александра Сергеевича был ценителем литературы, имел большую библиотеку, дядя был известным поэтом, в гостях у которого часто бывали многие известные деятели литературы того времени.

Огромное влияние на будущего поэта оказала его няня, Арина Родионовна, которую поэт будет вспоминать всю свою жизнь и посвятит немало литературных произведений.

В 1811-ом году отец и дядя решают отправить Александра в только что открывшийся Царскосельский Лицей. Роль Лицея в становлении личности трудно переоценить, именно там он начал писать свои первые стихи, познакомился и подружился с такими знаменитыми в будущем людьми как Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер, Антон Дельвиг и многими другими. В 1814 году было опубликовано первое стихотворение тогда еще пятнадцатилетнего Пушкина «К другу стихотворцу».

После окончания Лицея в 1817 году А.С. Пушкин не вернулся в Москву, а переехал в Петербург, где поступил на службу в коллегию иностранных дел. И уже через три года он дописывает свою знаменитую поэму «Руслан и Людмила».

За распространение эпиграмм на различных людей, вольных стихов, в 1820 году Пушкина отправляют в ссылку. В ссылке, в 1823-м году поэт садится за написание романа «Евгений Онегин», который принесёт ему в будущем великую славу. За четыре года ссылки Пушкиным были написаны такие романтические южные поэмы как «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники».

В 1824-ом году поэт находился в ссылке в своём имении – в селе Михайловское. Там он продолжал работу над «Евгением Онегиным», писал «Бориса Годунова», стихотворения. Находясь в ссылке Александр Сергеевич узнаёт о восстании друзей декабристов, многие из которых в последствии были казнены и отправлены в ссылку.

4 сентября 1826 года Николай 1 вызвал Пушкина в Москву, но свобода, дарованная царем, была недолгой, уже в 1828 году вышло постановление Государственного совета о надзоре над Пушкиным. В этом же году он самовольно уехал на Кавказ, где служили его друзья.

В 1830 году Пушкин посватался, а 1831 году женился на Наталье Гончаровой. Перед женитьбой он уехал в имение в Болдино, где вынужден был задержаться из-за карантина. Этот период в творчестве Пушкина называют Болдинской осенью, в течение которой он написал большое количество литературных произведений самых разных жанров, такие как «Дубровский», «Капитанская дочка» и многие другие.

9 февраля 1837 года Пушкин А. стрелялся на дуэли с Дантесом, был смертельно ранен и скончался 10 февраля в своем доме на Мойке.

«Погасло дневное светило»

Погасло дневное светило;
 На море синее вечерний пал туман.
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Я вижу берег отдаленный,
 Земли полуденной волшебные края;
 С волненьем и тоской туда стремлюся я,
 Воспоминая упоенный...
 И чувствую: в очах родились слезы вновь;
 Душа кипит и замирает;
 Мечта знакомая вокруг меня летает;
 Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
 И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
 Желаний и надежд томительный обман...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
 Лети, корабль, носи меня к пределам дальним
 По грозной прихоти обманчивых морей,
 Но только не к брегам печальным
 Туманной родины моей,
 Страны, где пламенем страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Где музы нежные мне тайно улыбались,
 Где рано в бурях отцвела
 Моя потерянная младость,
 Где легкокрылая мне изменила радость
 И сердце хладное страданью предала.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Искатель новых впечатлений,
 Я вас бежал, отечески края;
 Я вас бежал, питомцы наслаждений,
 Минутной младости минутные друзья;
 И вы, наперсницы порочных заблуждений,
 Которым без любви я жертвовал собой,
 Покоем, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, изменницы молодые,
 Подруги тайные моей весны златая,
 И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
 Глубоких ран любви, ничто не излечило...
 Шуми, шуми, послушное ветрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

«Свободы сеятель пустынный»

Свободы сеятель пустынный,
 Я вышел рано, до звезды;
 Рукою чистой и безвинной
 В порабощенные бразды
 Бросал живительное семя —
 Но потерял я только время,
 Благие мысли и труды...
 Паситесь, мирные народы!
 Вас не разбудит чести клич.
 К чему стадам дары свободы?
 Их должно резать или стричь.
 Наследство их из рода в роды
 Ярмо с гремушками да бич.

«Подражание Корану»

И путник усталый на бога роптал:
 Он жаждой томился и тени алкал.
 В пустыне блуждая три дня и три ночи,
 И зноем и пылью тягчимые очи
 С тоской безнадежной водил он вокруг,
 И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
 И жадно холодной струей освежил
 Горевшие тяжко язык и зеницы,
 И лег, и заснул он близ верной ослицы —
 И многие годы над ним протекли
 По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
 Встает он и слышит неведомый глас:
 «Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
 И он отвечает: уж солнце высоко
 На утреннем небе сияло вчера;
 С утра я глубоко проспал до утра.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главою;
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

«Элегия»

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

«Вновь я посетил»

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Вот холм лесистый, над которым часто
 Я сиживал недвижим — и глядел
 На озеро, вспоминая с грустью
 Иные берега, иные волны...
 Меж нив золотых и пажитей зеленых
 Оно синевя стелется широко;
 Через его неведомые воды
 Плывет рыбак и тянет за собой
 Убогой невод. По берегам отлогим
 Рассеяны деревни — там за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при ветре...
 На границе
 Владений дедовских, на месте том,
 Где в гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоят — одна поодаль, две другие
 Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
 Я проезжал верхом при свете лунном,
 Знакомым шумом шорох их вершин
 Меня приветствовал. По той дороге
 Теперь поехал я, и пред собою
 Увидел их опять. Они всё те же,
 Всё тот же их, знакомый уху шорох -
 Но около корней их устарелых
 (Где некогда всё было пусто, голо)
 Теперь младая роща разрослась,
 Зеленая семья; кусты теснятся
 Под сенью их как дети. А вдали
 Стоит один угрюмый их товарищ
 Как старый холостяк, и вокруг него
 По-прежнему всё пусто.
 Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! не я
 Увижу твой могучий поздний возраст,
 Когда перерастешь моих знакомцев
 И старую главу их заслонишь
 От глаз прохожего. Но пусть мой внук
 Услышит ваш приветный шум, когда,
 С приятельской беседы возвращаясь,
 Веселых и приятных мыслей полон,
 Пройдет он мимо вас во мраке ночи
 И обо мне вспомянет.

« К морю »

Прощай, свободная стихия!
 В последний раз передо мной
 Ты катишь волны голубые
 И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно среди зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Вспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

«Редет облаков летучая гряда»

Редет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижину сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

«ВОЛЬНОСТЬ»

ОДА

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.
Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Тираны мира! трепещите!
 А вы, мужайтесь и внимлите,
 Восстаньте, падшие рабы!
 Увы! куда ни брошу взор —
 Везде бичи, везде железы,
 Законов гибельный позор,
 Неволи немощные слезы;
 Везде несправедная Власть
 В сгущенной мгле предрассуждений
 Воссела — Рабства грозный Гений
 И Славы роковая страсть.
 Лишь там над царскою главою
 Народов не легло страданье,
 Где крепко с Вольностью святой
 Законов мощных сочетанье;
 Где всем простерт их твердый щит,
 Где сжатый верными руками
 Граждан над равными главами
 Их меч без выбора скользит
 И преступленье свысока
 Сражает праведным размахом;
 Где не подкупна их рука
 Ни алчной скупостью, ни страхом.
 Владыки! вам венец и трон
 Дает Закон — а не природа;
 Стоите выше вы народа,
 Но вечный выше вас Закон.
 И горе, горе племенам,
 Где дремлет он неосторожно,
 Где иль народу, иль царям
 Законом властвовать возможно!
 Тебя в свидетели зову,
 О мученик ошибок славных,
 За предков в шуме бурь недавних
 Сложивший царскую главу.
 Восходит к смерти Людовик
 В виду безмолвного потомства,
 Главой развенчанной приник
 К кровавой плахе Вероломства.
 Молчит Закон — народ молчит,
 Падет преступная секира...
 И се — злодейская порфира
 На галлах скованных лежит.
 Самовластительный злодей!
 Тебя, твой трон я ненавижу,
 Твою погибель, смерть детей
 С жестокой радостью вижу.
 Читают на твоём челе
 Печать проклятия народы,
 Ты ужас мира, стыд природы,
 Упрек ты богу на земле.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает

«Деревня»

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидывать судьбе
Злодея или глупца — в величии неправом.
Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стоны,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

«Пророк»

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

«Из Пиндемонти»

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Мне в сладкой участи оспоривать налоги
 Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цензура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Все это, видите ль, *слова, слова, слова* ¹
 Иные, лучшие, мне дороги права;
 Иная, лучшая, потребна мне свобода:
 Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
 Отчета не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданьями искусств и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиленья.
 Вот счастье! вот права...

«Поэту»

Поэт! не дорожи любовью народной.
 Восторженных похвал пройдет минутный шум;
 Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
 Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
 Ты царь: живи один. Дорогою свободной
 Иди, куда влечет тебя свободный ум,
 Усовершенствуя плоды любимых дум,
 Не требуя наград за подвиг благородный.
 Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
 Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
 Ты им доволен ли, взыскательный художник?
 Доволен? Так пускай толпа его бранит
 И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
 И в детской резвости колеблет твой треножник.

«Пора, мой друг, пора»

Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит -
 Летят за днями дни, и каждый час уносит
 Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
 Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
 На свете счастья нет, но есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мне доля -
 Давно, усталый раб, замыслил я побег
 В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

«Сожженное письмо»

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
 Как долго медлил я! как долго не хотела
 Рука предать огню все радости мои!..
 Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
 Готов я; ничему душа моя не внемлет.
 Уж пламя жадное листы твои приемлет...

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым
 Виясь, теряется с молением моим.
 Уж перстня верного утратя впечатленье,
 Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
 Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легком пепле их заветные черты
 Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
 Отрада бедная в судьбе моей унылой,
 Остаься век со мной на горестной груди...

«Я вас любил: любовь еще, быть может»

Я вас любил: любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем;
 Но пусть она вас больше не тревожит;
 Я не хочу печалить вас ничем.
 Я вас любил безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томим;
 Я вас любил так искренно, так нежно,
 Как дай вам бог любимой быть другим.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла»

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
 Шумит Арагва предо мною.
 Мне грустно и легко; печаль моя светла;
 Печаль моя полна тобою,
 Тобой, одной тобой... Унынья моего
 Ничто не мучит, не тревожит,
 И сердце вновь горит и любит — оттого,
 Что не любить оно не может.

«Элегия»

Безумных лет угасшее веселье
 Мне тяжело, как смутное похмелье.
 Но, как вино — печаль минувших дней
 В моей душе чем старе, тем сильнее.
 Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
 Грядущего волнуемое море.
 Но не хочу, о други, умирать;
 Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
 И ведаю, мне будут наслажденья
 Меж горестей, забот и треволненья:
 Порой опять гармонией упьюсь,
 Над вымыслом слезами обольюсь,
 И может быть — на мой закат печальный
 Блеснет любовь улыбкою прощальной.

«Зима. Что делать нам в деревне?»

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
 Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть иль нет? и можно ли постель
 Покинуть для седла, иль лучше до обеда

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Возиться с старыми журналами соседа?
 Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
 И рысью по полю при первом свете дня;
 Арапники в руках, собаки вслед за нами;
 Глядим на бледный снег прилежными глазами,
 Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
 Двух зайцев протравив, являемся домой.
 Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
 Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
 По капле, медленно глотаю скуки яд.
 Читать хочу; глаза над буквами скользят,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сажу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязные слова.
 Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
 Над рифмой, над моей прислужницею странной:
 Стих вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, с лирою я прекращаю спор,
 Иду в гостиную; там слышу разговор
 О близких выборах, о сахарном заводе;
 Хозяйка хмурится в подобие погоде,
 Стальными спицами проворно шевеля,
 Иль про червонного гадает короля.
 Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
 Но если под вечер в печальное селенье,
 Когда за шашками сажу я в уголке,
 Приедет издали в кибитке иль возке
 Нежданная семья: старушка, две девицы
 (Две белокурые, две стройные сестрицы),-
 Как оживляется глухая сторона!
 Как жизнь, о боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Потом слов несколько, потом и разговоры,
 А там и дружный смех, и песни вечерком,
 И вальсы резвые, и шепот за столом,
 И взоры томные, и ветреные речи,
 На узкой лестнице замедленные встречи;
 И дева в сумерки выходит на крыльцо:
 Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
 Но бури севера не вредны русской розе.
 Как жарко поцелуй пылает на морозе!
 Как дева русская свежа в пыли снегов!

«Всё в жертву памяти твоей»

Всё в жертву памяти твоей:
 И голос лиры вдохновенной,
 И слезы девы воспаленной,
 И трепет ревности моей,
 И славы блеск, и мрак изгнанья,
 И светлых мыслей красота,
 И мщенье, бурная мечта
 Ожесточенного страданья.

«Желание славы»

Когда, любовью и негой упоенный,
 Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
 Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
 Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
 Ты знаешь: удален от ветреного света,
 Скучая суетным прозванием поэта,
 Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
 Жужжанью дальнему упреков и похвал.
 Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
 Когда, склонив ко мне томительные взоры
 И руку на главу мне тихо наложив,
 Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
 Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
 А я стесненное молчание хранил,
 Я наслаждением весь полон был, я мнил,
 Что нет грядущего, что грозный день разлуки
 Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измены, клевета, всё на главу мою
 Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
 Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
 И все передо мной затмилось! И ныне
 Я новым для меня желанием томим:
 Желаю славы я, чтоб именем моим
 Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
 Окружена была, чтоб громкою молвою
 Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
 Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
 Ты помнила мои последние моления
 В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Надеюсь, ещё долго будем вместе.
 И трижды повторить я не боюсь,
 В кругу друзей намного интересней.

Вы пишете прекрасные стихи,
 И в каждом слове выверены чувства,
 А в каждой интонации штрихи,
 Великого поистине искусства.

Я в диспутах участвую как все,
 И рад принять участие в вашем споре,
 От всех стихов, во всей своей красе,
 Душа моя летает на просторе.

И если чуть добавить теплоты,
 Без зависти открыто и без лести,
 Без всякой нам ненужной суеты,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Хочу, чтоб соблюдали кодекс чести.

Друзья мои, прекрасен наш союз,
Пусть дружба между нами не иссякнет.
Ещё раз нашей музе поклонюсь,
Надеюсь, вдохновенье не угаснет.

«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

«Осень»**I**

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю её снега; в присутствии луны
Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стёклами двойными.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
 Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
 Ты, все душевные способности губя,
 Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
 Лишь как бы напоить, да освежить себя —
 Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
 И, проводив её блинами и вином,
 Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
 Но мне она мила, читатель дорогой,
 Красною тихою, блистающей смиренно.
 Так нелюбимое дитя в семье родной
 К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
 Из годовых времён я рад лишь ей одной,
 В ней много доброго; любовник не тщеславный,
 Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
 Как, вероятно, вам чахоточная дева
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
 Улыбка на устах увянувших видна;
 Могильной пропасти она не слышит зева;
 Играет на лице ещё багровый цвет.
 Она жива ещё сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса —
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса,
 В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдалённые седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русской холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
 Чредой слетает сон, чредой находит голод;
 Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят — я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн — таков мой организм
 (Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривую, он всадника несёт,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиёт,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

«Бесы»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Сил нам нет кружиться доле;
 Колокольчик вдруг умолк;
 Кони стали... — «Что там в поле?» —
 «Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
 Кони чуткие храпят;
 Вот уж он далече скачет,
 Лишь глаза во мгле горят;
 Кони снова понеслись;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Вижу: духи собралися
 Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
 В мутной месяца игре
 Закружились бесы разны,
 Будто листья в ноябре...
 Сколько их! куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Мчатся бесы рой за роем
 В беспредельной вышине,
 Визгом жалобным и воем
 Надрывая сердце мне...

«Когда за городом, задумчив, я брожу»

Когда за городом, задумчив, я брожу
 И на публичное кладбище захожу,
 Решетки, столбики, нарядные гробницы,
 Под коими гниют все мертвецы столицы,
 В болоте кое-как стесненные рядком,
 Как гости жадные за нищенским столом,
 Купцов, чиновников усопших мавзолей,
 Дешевого резца нелепые затеи,
 Над ними надписи и в прозе, и в стихах
 О добродетелях, о службе и чинах;
 По старом рогаче вдовицы плач амурный,
 Ворами со столбов отвинченные урны,
 Могилы склизкие, которы также тут
 Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, -
 Такие смутные мне мысли всё наводит,
 Что злое на меня уныние находит.
 Хоть плюнуть да бежать...
 Но как же любо мне
 Осеннею порой, в вечерней тишине,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом.
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебясь и шумя...

2. Творчество Лермонтова М.Ю.

**Михаил Юрьевич Лермонтов
(1814 - 1841)**

Русский поэт. Учился в Московском университете (1830-32). Окончил Санкт-Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1834). В 1837 г. за стихотворение «Смерть поэта» (о гибели А.С. Пушкина) был сослан в армию на Кавказ. Убит на дуэли в Пятигорске. Разочарование в действительности, характерное для после декабрьских умонастроений, скептицизм, стремление к идеалу свободной и мятежной личности питали его ранние романтические стихи, а в зрелой лирике и мечта о душевном покое («Дума», «И скучно и грустно», «Молитва», «Пророк», «Выхожу один я на дорогу»; поэма «Мцыри», 1839; драма «Маскарад», 1835).

Многие произведения Лермонтова М.Ю. пронизаны гражданским пафосом, патриотическим чувством [неоконченный социально-исторический роман «Вадим» (1832-1834), стихотворения «Бородино», «Поэт», «Родина»]. Поэма «Демон» (закончена в 1839 г.) – символическое воплощение идеи бунта против «мирового порядка», трагедия одиночества.

М.Ю. Лермонтов ввел в русскую поэзию стих, отмеченный энергией мысли и мелодичностью. Роман «Герой нашего времени» (1840), насыщенный глубокой социальной рефлексией и психологическим содержанием, вершина реализма творчества М.Ю. Лермонтова.

«Молитва»

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Не за свою молю душу пустынную,
 За душу странника в свете безродного;
 Но я вручить хочу деву невинную
 Теплой заступнице мира холодного.
 Окружи счастьем душу достойную;
 Дай ей сопутников, полных внимания,
 Молодость светлую, старость покойную,
 Сердцу незлобному мир упования.
 Срок ли приблизится часу прощальному
 В утро ли шумное, в ночь ли безгласную.
 Ты воспрять пошли к ложу печальному
 Лучшего ангела душу прекрасную.

«Поэт»

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
 Клинок надежный, без порока;
 Булат его хранит таинственный закал —
 Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
 Не зная платы за услугу;
 Не по одной груди провел он страшный след
 И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
 Звенел в ответ речам обидным.
 В те дни была б ему богатая резьба
 Нарядом чуждым и постыдным.
 Он взят за Тереком отважным казаком
 На хладном трупе господина,
 И долго он лежал заброшенный потом
 В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
 Лишен героя спутник бедный,
 Игрушкой золотой он блещет на стене —
 Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
 Его не чистит, не ласкает,
 И надписи его, молясь перед зарей,
 Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
 Свое утратил назначенье,
 На злато променяв ту власть, которой свет
 Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
 Воспламенял бойца для битвы,
 Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
 Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
 И, отзыв мыслей благородных,
 Звучал, как колокол на башне вечевой,
 Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
 Нас тешат блёстки и обманы;
 Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
 Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
 Иль никогда, на голос мщенья
 Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
 Покрытый ржавчиной презренья?..

«Дума»

Как часто, пестрою толпою окружен,
 Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
 При шуме музыки и пляски,
 При диком шопоте затверженных речей,
 Мелькают образы бездушные людей,
 Приличьем стянутые маски,
 Когда касаются холодных рук моих
 С небрежной смелостью красавиц городских
 Давно бестрепетные руки, —
 Наружно погружась в их блеск и суету,
 Ласкаю я в душе старинную мечту,
 Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
 Забыться, — памятью к недавней старине
 Лечу я вольной, вольной птицей;
 И вижу я себя ребенком; и кругом
 Родные всё места: высокий барский дом
 И сад с разрушенной теплицей;
 Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
 А за прудом село дымится — и встают
 Вдали туманы над полями.

В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
 Глядит вечерний луч, и желтые листья
 Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
 Я думаю об ней, я плачу и люблю,
 Люблю мечты моей созданье
 С глазами, полными лазурного огня,
 С улыбкой розовой, как молодого дня
 За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
 Я долгие часы просиживал один,
 И память их жива поныне
 Под бурей тягостных сомнений и страстей,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Как свежий островок безвредно средь морей
 Цветет на влажной их пустыне.
 Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
 И шум толпы людской спугнет мечту мою,
 На праздник нэзванную гостью,
 О, как мне хочется смутить веселость их,
 И дерзко бросить им в глаза железный стих,
 Облитый горечью и злостью!..

«Валерик»

Я к вам пишу случайно; право,
 Не знаю, как и для чего.
 Я потерял уж это право.
 И что скажу вам? - ничего!
 Что помню вас? - но, боже правый,
 Вы это знаете давно;
 И вам, конечно, все равно.
 И знать вам также нету нужды,
 Где я? что я? в какой глуши?
 Душою мы друг другу чужды,
 Да вряд ли есть родство души.
 Страницы прошлого читая,
 Их по порядку разбирая
 Теперь остынувшим умом,
 Разуверяюсь я во всем.
 Смешно же сердцем лицемерить
 Перед собою столько лет;
 Добро б еще морочить свет!
 Да и притом, что пользы верить
 Тому, чего уж больше нет?..
 Безумно ждать любви заочной?
 В наш век все чувства лишь на срок;
 Но я вас помню - да и точно,
 Я вас никак забыть не мог!
 Во-первых, потому, что много
 И долго, долго вас любил,
 Потом страданьем и тревогой
 За дни блаженства заплатил;
 Потом в раскаянье бесплодном
 Влачил я цепь тяжелых лет
 И размышлением холодным
 Убил последний жизни цвет.
 С людьми сближаясь осторожно,
 Забыл я шум молодых проказ,
 Любовь, поэзию, - но вас
 Забыть мне было невозможно.
 И к этой мысли я привык,
 Мой крест несу я без роптанья:
 То иль другое наказание?
 Не все ль одно. Я жизнь постиг;
 Судьбе, как турок иль татарин,
 За все я ровно благодарен;
 У бога счастья не прошу

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И молча зло переносу.
 Быть может, небеса Востока
 Меня с ученьем их пророка
 Невольно сблизили. Притом
 И жизнь всечасно кочевая,
 Труды, заботы ночь и днем,
 Все, размышлению мешая,
 Приводит в первобытный вид
 Больную душу: сердце спит,
 Простора нет воображенью...
 И нет работы голове...
 Зато лежишь в густой траве
 И дремлешь под широкой тенью
 Чинар иль виноградных лоз,
 Кругом белеются палатки;
 Казачьи тощие лошадки
 Стоят рядком повеса нос;
 У медных пушек спит прислуга.
 Едва дымятся фитили;
 Попарно цепь стоит вдали;
 Штыки горят под солнцем юга.
 Вот разговор о старине
 В палатке ближней слышен мне;
 Как при Ермолове ходили
 В Чечню, в Аварию, к горам;
 Как там дрались, как мы их били,
 Как доставалось и нам;
 И вижу я неподалеку
 У речки, следуя пророку,
 Мирной татарин свой намаз
 Творит, не подымая глаз;
 А вот кружком сидят другие.
 Люблю я цвет их желтых лиц,
 Подобный цвету ноговиц,
 Их шапки, рукава худые,
 Их темный и лукавый взор
 И их гортанный разговор.
 Чу - дальний выстрел. Прожужжала
 Шальная пуля... славный звук...
 Вот крик - и снова все вокруг
 Затихло... Но жара уж спала,
 Ведут коней на водопой,
 Зашевелилася пехота;
 Вот проскакал один, другой!
 Шум, говор. Где вторая рота?
 Что, вьючить? - что же капитан?
 Повозки выдвигайте живо!
 "Савельич!" - "Ой ли!" - "Дай огниво!"
 Подъем ударил барабан -
 Гудит музыка полковая;
 Между колоннами въезжая,
 Звенят орудья. Генерал

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Вперед со свитой поскакал...
 Рассыпались в широком поле,
 Как пчелы, с гиком казаки;
 Уж показались значки
 Там на опушке - два, и боле.
 А вот в чалме один мюрид
 В черкеске красной ездит важно,
 Конь светло-серый весь кипит,
 Он машет, кличет - где отважный?
 Кто выдет с ним на смертный бой!..
 Сейчас, смотрите: в шапке черной
 Казак пустился гребенской;
 Винтовку выхватил проворно,
 Уж близко... выстрел... легкий дым...
 Эй вы, станичники, за ним...
 Что? ранен!.. - Ничего, безделка... -
 И завязалась перестрелка...
 Но в этих сшибах удалых
 Забавы много, толку мало;
 Прохладным вечером, бывало,
 Мы любовались на них,
 Без кровожадного волненья,
 Как на трагический балет;
 Зато видал я представленья,
 Каких у вас на сцене нет...
 Раз - это было под Гихами -
 Мы проходили темный лес;
 Огнем дыша, пылал над нами
 Лазурно-ясный свод небес.
 Нам был обещан бой жестокий.
 Из гор Ичкерии далекой
 Уже в Чечню на братний зов
 Толпы стекались удальцов.
 Над допотопными лесами
 Мелькали маяки кругом:
 И дым их то вился столпом,
 То расстилался облаками;
 И оживились леса;
 Скликались дико голоса
 Под их зелеными шатрами.
 Едва лишь выбрался обоз
 В поляну, дело началось;
 Чу! в арьегард орудья просят;
 Вот ружья из кустов выносят,
 Вот тащат за ноги людей
 И кличут громко лекарей;
 А вот и слева, из опушки,
 Вдруг с гиком кинулись на пушки;
 И градом пуль с вершин дерев
 Отряд осыпан. Впереди же
 Все тихо - там между кустов
 Бежал поток. Подходим ближе.
 Пустили несколько гранат;

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Еще подвинулись; молчат;
 Но вот над бревнами завала
 Ружье как будто заблестало;
 Потом мелькнуло шапки две;
 И вновь все спряталось в траве.
 То было грозное молчанье,
 Недолго длилось оно,
 Но в этом странном ожиданье
 Забилося сердце не одно.
 Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
 Что нужды? здешние полки
 Народ испытанный... "В штыки,
 Дружнее!" - раздалось за нами.
 Кровь загорелась в груди!
 Все офицеры впереди...
 Верхом помчался на завалы
 Кто не успел спрыгнуть с коня...
 "Ура!" - и смолкло. "Вон кинжалы,
 В приклады!" - и пошла резня.
 И два часа в струях потока
 Бой длился. Резались жестоко,
 Как звери, молча, с грудью грудь,
 Ручей телами запрудили.
 Хотел воды я зачерпнуть...
 (И зной и битва утомили
 Меня), но мутная волна
 Была тепла, была красна.
 На берегу, под тенью дуба,
 Пройдя завалов первый ряд,
 Стоял кружок. Один солдат
 Был на коленях; мрачно, грубо
 Казалось выраженье лиц,
 Но слезы капали с ресниц,
 Покрытых пылью... на шинели,
 Спиною к дереву, лежал
 Их капитан. Он умирал;
 В груди его едва чернели
 Две ранки; кровь его чуть-чуть
 Сочилась. Но высоко грудь
 И трудно подымалась, взоры
 Бродили страшно, он шептал...
 "Спасите, братцы. Тащат в горы.
 Пойдите - ранен генерал...
 Не слышат..." Долго он стонал,
 Но все слабей, и понемногу
 Затих и душу отдал богу;
 На ружья опершись, кругом
 Стояли усачи седые...
 И тихо плакали... потом
 Его остатки боевые
 Накрыли бережно плащом
 И понесли. Тоской томимый,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Им вслед смотрел я недвижимый.
 Меж тем товарищей, друзей
 Со вздохом возле называли;
 Но не нашел в душе моей
 Я сожаленья, ни печали.
 Уже затихло все; тела
 Стащили в кучу; кровь текла
 Струею дымной по камням,
 Ее тяжелым испареньем
 Был полон воздух. Генерал
 Сидел в тени на барабане
 И донесенья принимал.
 Окрестный лес, как бы в тумане,
 Синел в дыму пороховом.
 А там, вдали, грядой нестройной,
 Но вечно гордой и спокойной,
 Тянулись горы - и Казбек
 Сверкал главой остроконечной.
 И с грустью тайной и сердечной
 Я думал: "Жалкий человек.
 Чего он хочет!.. небо ясно,
 Под небом места много всем,
 Но беспрестанно и напрасно
 Один враждует он - зачем?"
 Галуб прервал мое мечтанье,
 Ударив по плечу; он был
 Кунак мой; я его спросил,
 Как месту этому названье?
 Он отвечал мне: "Валерик,
 А перевесть на ваш язык,
 Так будет речка смерти: верно,
 Дано старинными людьми".
 "А сколько их дралось примерно
 Сегодня?" - "Тысяч до семи".
 "А много горцы потеряли?"
 "Как знать! - зачем вы не считали!"
 "Да! будет, - кто-то тут сказал, -
 Им в память этот день кровавый!"
 Чеченец посмотрел лукаво
 И головою покачал.
 Но я боюсь вам наскучить,
 В забавах света вам смешны
 Тревоги дикие войны;
 Свой ум вы не привыкли мучить
 Тяжелой думой о конце;
 На вашем молодом лице
 Следов заботы и печали
 Не отыскать, и вы едва ли
 Вблизи когда-нибудь видали,
 Как умирают. Дай вам бог
 И не видать: иных тревог
 Довольно есть. В самозабвенье
 Не лучше ль кончить жизни путь?

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И беспробудным сном заснуть
 С мечтой о близком пробужденье?
 Теперь прощайте: если вас
 Мой безыскусственный рассказ
 Развеселит, займет хоть малость,
 Я буду счастлив. А не так?
 Простите мне его как шалость
 И тихо молвите: чудак!

«Сон»

В полдневный жар в долине Дагестана
 С свинцом в груди лежал недвижим я;
 Глубокая еще дымилась рана,
 По капле кровь точилась моя.
 Лежал один я на песке долины;
 Уступы скал теснились кругом,
 И солнце жгло их желтые вершины
 И жгло меня — но спал я мертвым сном.
 И снился мне сияющий огнями
 Вечерний пир в родимой стороне.
 Меж юных жен, увенчанных цветами,
 Шел разговор веселый обо мне.
 Но в разговор веселый не вступая,
 Сидела там задумчиво одна,
 И в грустный сон душа ее младая
 Бог знает чем была погружена;
 И снилась ей долина Дагестана;
 Знакомый труп лежал в долине той;
 В его груди дымясь чернела рана,
 И кровь лилась хладеющей струей.

«Родина»

Люблю отчизну я, но странною любовью!
 Не победит ее рассудок мой.
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордого доверия покой,
 Ни темной старины заветные преданья
 Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
 Но я люблю - за что, не знаю сам -
 Ее степей холодное молчанье,
 Ее лесов безбрежных колыханье,
 Разливы рек ее, подобные морям;
 Проселочным путем люблю скакать в телеге
 И, взором медленным пронзая ночи тень,
 Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
 Дрожащие огни печальных деревень;
 Люблю дымок спаленной жнивы,
 В степи ночующий обоз
 И на холме средь желтой нивы
 Чету белеющих берез.
 С отрадой, многим незнакомой,
 Я вижу полное гумно,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

«Пророк»

Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

«К портрету»

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То всё в, ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

«Силуэт»

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

«Мой Демон»

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для зблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслею небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!- прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил,-
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку -
Безумец!- лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Такой души ты знала ль цену?
Ты знала - я тебя не знал!

* * *

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мой расскажет думы?
Я - или бог - или никто!

«Памяти А.И. Одоевского»

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах востока... и тоску изгнания
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений....

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и среди пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:

Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немои кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие — без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам! твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит...
Куда они, зачем? — откуда? — кто их спросит...

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной!...
Что за нужда!... пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:

Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему, ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно.
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

3. Творчество Тютчева Ф.И.

**Тютчев Федор Иванович
(1803-1873)**

Русский поэт. Принадлежал к старинному дворянскому роду. Рано начал писать стихи; в 1819 г. выступил в печати с вольным переложением из Горация.

В 1821 г. блестяще окончил словесный факультет Московского университета. По окончании курса зачислен на службу в Коллегию иностранных дел.

Как поэт, Тютчев Ф.И. сложился на рубеже 20-30-х гг. К этому времени относятся шедевры его лирики: «Бессонница», «Летний вечер», «Видение», «Весенние воды», «Осенний вечер».

Состоял при русских дипломатических миссиях в Мюнхене (1822—1837 гг.) и Турине (1837—1839 гг.). В чужих краях Тютчев Ф.И. прожил двадцать два года, но не терял духовной связи с родиной и изредка навещал ее. В Мюнхене приобщился к немецкой идеалистической философии, свел знакомство с Шеллингом, дружил с Г. Гейне.

Настоящий дебют поэта состоялся в 1836 г.: тетрадь его стихотворений, переправленная из Германии, попадает в руки Пушкина А.С., и тот, приняв тютчевские стихи с изумлением и восторгом, опубликовал их в своем журнале «Современник». Однако признание и известность приходят к Тютчеву Ф.И. гораздо позднее — после его возвращения на родину, в 50-х гг., когда о поэте восхищенно отзывались Некрасов Н.А., Тургенев И.С., Фет А.А., Чернышевский Н.Г., и когда вышел отдельный сборник его стихотворений (1854 г.).

Вернувшись в Россию в 1844 г., занимал должность старшего цензора Министерства иностранных дел, а с 1858 г. и до конца жизни возглавлял Комитет иностранной цензуры. Умер в 1873 г. в Царском Селе.

«С поляны коршун поднялся...»

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И вот ушел за небосклон.
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

«Полдень»

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

«Silentium»

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

«Видение»

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес!

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат Боги снах!

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

«Тени сизые смесились»

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши —
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

«Не то, что мните вы, природа»

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик -
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык:

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!

«29-е ЯНВАРЯ 1837»

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Кто сей божественный фиал
 Разрушил, как сосуд скудельный?
 Будь прав или виновен он
 Пред нашей правдою земною,
 Навек он вышею рукою
 В «цареубийцы» заклеямен.
 Но ты, в безвременную тьму
 Вдруг поглощенная со света,
 Мир, мир тебе, о тень поэта,
 Мир светлый праху твоему!..
 Назло людскому суесловью
 Велик и свят был жребий твой!..
 Ты был богов орган живой,
 Но с кровью в жилах... знойной кровью.
 И сею кровью благородной
 Ты жажду чести утолил —
 И осененный опочил
 Хоругвью горести народной.
 Вражду твою пусть Тот рассудит,
 Кто слышит пролитую кровь...
 Тебя ж, как первую любовь,
 России сердце не забудет!.

«Я лютеран люблю богослуженье»

Я лютеран люблю богослуженье,
 Обряд их строгий, важный и простой —
 Сих голых стен, сей храмины пустой
 Понятно мне высокое ученье.
 Не видите ль? Собравшись в дорогу,
 В последний раз вам вера предстоит:
 Еще она не перешла порогу,
 Но дом ее уж пуст и гол стоит, —
 Еще она не перешла порогу,
 Еще за ней не затворилась дверь...
 Но час настал, пробил... Молитесь богу,
 В последний раз вы молитесь теперь.

«Умом Россию не понять...»

Умом Россию не понять,
 Аршином общим не измерить:
 У ней особенная стать —
 В Россию можно только верить.

«О, как убийственно мы любим»

О, как убийственно мы любим,
 Как в буйной слепоте страстей
 Мы то всего вернее губим,
 Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
 Ты говорил: она моя...

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Год не прошел - спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

«Последняя любовь»

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, –
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Пушкой скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

«Я очи знал, — о, эти очи!»

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их, — знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

«Природа – сфинкс»

Природа - сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

«Я встретил вас - и все былое»

Я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,-

Так, весь обвеян духовеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,-
И вот - слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,-
И то же в нас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

«День и ночь»

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!
Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и, с мира рокового
Ткань благодатную покровов
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

«Эти бедные селенья»

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа -
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

4. Творчество Некрасова Н.А.

Никола́й Алексе́евич Некра́сов

(1821- 1878)

Родился 28 ноября 1821 года в г. Немиров Подольской губернии (Российская империя). Русский поэт, писатель и публицист, революционер-демократ, классик русской литературы. С 1847 года по 1866 год — руководитель литературного и общественно-политического журнала «Современник», с 1868 года — редактор журнала «Отечественные записки».

Наиболее известен такими произведениями, как поэма-роман «Кому на Руси жить хорошо», поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы». Его стихи были посвящены преимущественно страданиям народа, идиллии и трагедии крестьянства. Некрасов Н.А. ввёл в русскую поэзию богатство народного языка и фольклора, широко используя в своих произведениях прозаизмы и речевые обороты простого народа — от бытового до публицистического, от народного просторечия до поэтической лексики, от ораторского до пародийно-сатирического стиля. Используя разговорную речь и народную фразеологию, он значительно расширил диапазон русской поэзии. Некрасов Н.А. первым решился на смелое сочетание элегических, лирических и сатирических мотивов в пределах одного стихотворения, что до него не практиковалось. Его поэзия оказала благотворное влияние на последующее развитие русской классической, а позже и советской поэзии. Умер 27 декабря 1877, Санкт-Петербург.

Вчерашний день, часу в шестом,
 Зашел я на Сенную;
 Там били женщину кнутом,
 Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
 Лишь бич свистал, играя...
 И Музе я сказал: "Гляди!
 Сестра твоя родная!"

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Мы с тобой бестолковые люди:
 Что минута, то вспышка готова!
 Облегченье взволнованной груди,
 Неразумное, резкое слово.
 Говори же, когда ты сердита,
 Все, что душу волнует и мучит!
 Будем, друг мой, сердиться открыто:
 Легче мир - и скорее наскучит.
 Если проза в любви неизбежна,
 Так возьмем и с нее долю счастья:
 После ссоры так полно, так нежно
 Возвращенье любви и участия...

«Родина»

И вот они опять, знакомые места,
 Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
 Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
 Разврата грязного и мелкого тиранства;
 Где рой подавленных и трепетных рабов
 Завидовал житью последних барских псов,
 Где было суждено мне божий свет увидеть,
 Где научился я терпеть и ненавидеть,
 Но, ненависть в душе постыдно притая,
 Где иногда бывал помещиком и я;
 Где от души моей, довременно растленной,
 Так рано отлетел покой благословенный,
 И неребьяческих желаний и тревог
 Огонь томительный до срока сердце жег...
 Воспоминания дней юности — известных
 Под громким именем роскошных и чудесных, -
 Наполнив грудь мою и злобой, и хандрой,
 Во всей своей красе проходят предо мной...
 Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
 Мелькает меж ветвей, болезненно — печальный?
 Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
 Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
 Навеки отдана угрюмому невежде,
 Не предавалась ты несбыточной надежде -
 Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
 Ты жребий свой несла в молчании рабы...
 Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
 Она была горда, упорна и прекрасна,
 И все, что вынести в тебе достало сил,
 Предсмертный шепот твой губителю простил!..
 И ты, делившая с страдальницей безгласной
 И горе, и позор судьбы ее ужасной,
 Тебя уж также нет, сестра души моей!
 Из дома крепостных любовниц и псарей
 Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
 Тому, которого не знала, не любила...
 Но, матери своей печальную судьбу

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

На свете повторив, лежала ты в гробу
 С такой холодной и строгою улыбкой,
 Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.
 Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
 Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, -
 А встарь?.. Но помню я: здесь что — то всех давило,
 Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
 Я к няне убежал... Ах, няня! сколько раз
 Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
 При имени ее впадая в умиление,
 Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..
 Ее бессмысленной и вредной доброты
 На память мне пришли немногие черты,
 И грудь моя полна враждой и злостью новой...
 Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
 Отрадного душе воспоминанья нет;
 Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет,
 Проклятьем на меня легло неотразимым, -
 Всему начало здесь, в краю моем родимом!..
 И с отвращением кругом кидая взор,
 С отрадой вижу я, что срублен темный бор -
 В томящий летний зной защита и прохлада, -
 И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
 Понутив голову над высохшим ручьем,
 И набок валится пустой и мрачный дом,
 Где вторил звону чаш и гласу ликований
 Глухой, и вечный гул подавленных страданий,
 И только тот один, кто всех собой давил,
 Свободно и дышал, и действовал, и жил...

«Памяти Добролюбова»

Суров ты был, ты в молодые годы
 Умел рассудку страсти подчинять.
 Учил ты жить для славы, для свободы,
 Но более учил ты умирать.
 Сознательно мирские наслажденья
 Ты отвергал, ты чистоту хранил,
 Ты жажде сердца не дал утоленья;
 Как женщину, ты родину любил,
 Свои труды, надежды, помышленья
 Ты отдал ей; ты честные сердца
 Ей покорял. Взывая к жизни новой,
 И светлый рай, и перлы для венца
 Готовил ты любовнице суровой,
 Но слишком рано твой ударил час
 И вешнее перо из рук упало.
 Какой светильник разума угас!
 Какое сердце биться перестало!
 Года минули, страсти улеглись,
 И высоко вознесся ты над нами...
 Плачь, русская земля! но и гордись -
 С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Такого сына не рождала ты
 И в недра не брала свои обратно:
 Сокровища душевной красоты
 Совмещены в нем были благодатно...
 Природа-мать! когда б таких людей
 Ты иногда не посылала миру,
 Заглохла б нива жизни...

«Элегия»

А.Н.Еракову

Пускай нам говорит изменчивая мода,
 Что тема старая "страдания народа"
 И что поэзия забыть ее должна.
 Не верьте, юноши! не стареет она.
 О, если бы ее могли состарить годы!
 Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
 Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
 Как тощие стада по скошенным лугам,
 Оплакивать их рок, служить им будет муза,
 И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
 Толпе напоминать, что бедствует народ
 В то время, как она ликует и поет,
 К народу возбуждать вниманье сильных мира -
 Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
 Быть может, я умру неведомый ему,
 Но я ему служил - и сердцем я спокоен...
 Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
 Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
 Я видел красный день: в России нет раба!
 И слезы сладкие я пролил в умиленьи...
 "Довольно ликовать в наивном увлеченьи, -
 Шепнула Муза мне. - Пора идти вперед:
 Народ освобожден, но счастлив ли народ?..

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
 Старик ли медленный шагает за сохою,
 Бежит ли по лугу, играя и свистя,
 С отцовским завтраком довольное дитя,
 Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы -
 Ответа я ищу на тайные вопросы,
 Кипящие в уме: "В последние года
 Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
 И рабству долготу пришедшая на смену
 Свобода, наконец, внесла ли перемену
 В народные судьбы? в напевы сельских дев?
 Иль так же горестен нестройный их напев?.."

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
 По нивам, по лугам, уставленным стогами,
 Задумчиво брожу в прохладной полутьме,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И песнь сама собой слагается в уме,
 Недавних, тайных дум живое воплощенье:
 На сельские труды зову благословенье:
 Народному врагу проклятие сулю,
 А другу у небес могущества молю,
 И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
 И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
 И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
 Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
 Кому посвящены мечтания поэта,
 Увы! не внемлет он - и не дает ответа...

«В дороге»

- Скучно? скучно!.. Ямщик удалой,
 Разгони чем-нибудь мою скуку!
 Песню, что ли, приятель, запой
 Про рекрутский набор и разлуку;
 Небылицей какой посмеши
 Или, что ты видал, расскажи, -
 Буду, братец, за все благодарен.

"Самому мне невесело, барин:
 Сокрушила злодейка жена!..
 Слышь ты, смолоду, сударь, она
 В барском доме была учена
 Вместе с барышней разным наукам,
 Понимаешь-ста, шить и вязать,
 На варгане играть и читать -
 Всем дворянским манерам и штукам.
 Одевалась не то, что у нас
 На селе сарафанницы наши,
 А, примерно представить, в атлас;
 Ела вдоволь и меду, и каши.
 Вид вальжанный имела такой,
 Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
 И не то что наш брат крепостной,
 Тоись, сватался к ней благородный
 (Слышь, учитель-ста врезамшись был,
 Баит кучер, Иваныч Торопка), -
 Да, знать, счастья ей бог не судил:
 Не нужна-ста в дворянстве холопка!
 Вышла замуж господская дочь,
 Да и в Питер... А справивши свадьбу,
 Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
 Захворал и на Троицу в ночь
 Отдал богу господскую душу,
 Сиротинкой оставивши Грушу...
 Через месяц приехал зятек -
 Перебрал по ревизии душиЗ
 И с запашки ссадил на оброк,
 А потом добрался и до Груши.
 Знать, она согрubiла ему

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

В чем-нибудь али напроосто тесно
 Вместе жить показалось в дому,
 Понимаешь-ста, нам неизвестно, -
 Воротил он ее на село -
 Знай-де место свое ты, мужичка!
 Взвыла девка - крутенько пришло:
 Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
 Мне в ту пору случись... посадили
 На тягло - да на ней и женили...
 Тоись, сколько я нажил хлопот!
 Вид такой, понимаешь, суровый...
 Ни косить, ни ходить за коровой!..
 Грех сказать, чтоб ленива была,
 Да, вишь, дело в руках не спорилось!
 Как дрова или воду несла,
 Как на барщину шла - становилось
 Инда жалко подчас... да куды! -
 Не утешись ее и обновкой:
 То натерли ей ногу котыб,
 То, слышь, ей в сарафане неловко.
 При чужих и туда и сюда,
 А украдкой ревет, как шальная...
 Погубили ее господа,
 А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит
 Да читает какую-то книжку...
 Инда страх меня, слышь ты, щемит,
 Что погубит она и сынишку:
 Учит грамоте, моет, стрижет,
 Словно барченка, каждый день чешет,
 Бить не бьет - бить и мне не дает...
 Да недолго пострела потешит!
 Слышь, как щепка худа и бледна,
 Ходит, тоись, совсем через силу,
 В день двух ложек не съест толокна -
 Чай, свалим через месяц в могилу...
 А с чего?.. Видит бог, не томил
 Я ее безустанной работой...
 Одевал и кормил, без пути не бранил,
 Уважал, тоись, вот как, с охотой...
 А, слышь, бить - так почти не бивал,
 Разве только под пьяную руку..."
 - Ну, довольно, ямщик! Разогнал
 Ты мою неотвязную скуку!..

«Тройка»

Что ты жадно глядишь на дорогу
 В стороне от весёлых подруг?
 Знать, забило сердечко тревогу -

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, чёрных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается лёгкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживёшь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна, и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдёшь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и чёрной и трудной
Отцветёшь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни - появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки и сыты и бойки,-
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

5. Творчество Фета А.А.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820 – 1892)

Афанасий Афанасьевич Фет (правильно — Фёт), первые 14 и последние 19 лет жизни официально носил фамилию Шеншин; родился 23 ноября 1820 года, в усадьбе Новосёлки, Мценского уезда, Орловской губернии. Русский поэт-лирик еврейского происхождения, переводчик, мемуарист, член-корреспондент Петербургской АН (1886).

Творчество Фета А.А. характеризуется стремлением уйти от повседневной действительности в «светлое царство мечты». Основное содержание его поэзии — любовь и природа. Его стихотворения отличаются тонкостью поэтического настроения и большим художественным мастерством.

А.А. Фет — представитель, так называемой, чистой поэзии. В связи с этим на протяжении всей жизни он спорил с Н.А. Некрасовым — представителем социальной поэзии.

Особенностью поэтики Фета А.А. является то, что разговор о самом важном ограничивается прозрачным намёком. Самый яркий пример — стихотворение «Шёпот, робкое дыханье...»

Скончался 21 ноября 1892 года в Москве. По некоторым данным, его смерти от сердечного приступа предшествовала попытка самоубийства. Похоронен в селе Клейменово, родовом имении Шеншиных.

* * *

Облаком волнистым
Пыль встаёт вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!

* * *

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Прости - и всё забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываются не раз
Стремленьем молодым пугающие бури.

Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, -
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

«Осень»

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

* * *

Шепот, робкое дыханье.
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!
Я болен, я влюблён; но, мучась и любя -
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И я хочу сказать, что я люблю тебя -
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

«Еще майская ночь»

Какая ночь! На всём какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звёзды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд её убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветер с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец -
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак, и венец!

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня, и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,
Эти ивы и березы,
Эти капли - эти слезы,
Этот пух - не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,
Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё - весна.

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

«Еще одно забывчивое слово»

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох -
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

6. Творчество Толстого А.К.

Алексей Константинович Толстой
(1817 – 1875)

Граф Алексе́й Константи́нович Толсто́й родился 24 августа 1817 года в Санкт-Петербурге. Русский писатель, поэт, драматург из рода Толстых. Член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1873 года.

Создатель баллад, сатирических стихотворений, исторического романа «Князь Серебряный» (опубликован в 1863 году), драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Фёдор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870). Автор проникновенной лирики, с ярко выраженным музыкальным началом, психологических новелл в стихах («Средь шумного бала, случайно...», «То было раннею весной»).

В 1898 году постановкой драмы А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» открылся Московский Художественный театр.

Совместно с братьями Жемчужниковыми создал пародийный образ Козьмы Пруткова (более половины произведений Козьмы Пруткова, особенно в поздний период, авторства А.К. Толстого). Большая часть политических сатир опубликована посмертно. Умер 28 сентября 1875 года, похоронен А.К. Толстой в с. Красный Рог, Черниговской губернии (ныне Почепский район Брянской области) в каменном склепе, сооруженном в 1875 г. женой поэта С.А. Толстой. В этом склепе впоследствии был установлен и гроб с ее прахом (умерла в 1892 г.), после чего вход в него был закрыт и замурован.

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

* * *

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими - досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами -
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

* * *

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.
И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.
И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется,
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подымается певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

* * *

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре -
О, не грусти, ты все мне дорога!
Но я любить могу лишь на просторе -
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Толпы миров воззвала из ночи,
 Любовь их все, как солнце, озарила,
 И лишь на землю к нам ее светила
 Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
 Мы ловим отблеск вечной красоты;
 Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
 О ней поток гремит струею холодной
 И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
 И тихий шепот вербы над ручьем,
 И милой девы взор, на нас склоненный,
 И звездный блеск, и все красы вселенной,
 И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
 Пожди еще - неволя недолга, -
 В одну любовь мы все сольемся вскоре,
 В одну любовь, широкую как море,
 Что не вместят земные берега!

Колокольчики мои,
 Цветики степные!
 Что глядите на меня,
 Темно-голубые?
 И о чем звените вы
 В день веселый мая,
 Средь некошенной травы
 Головой качая?
 Конь несет меня стрелой
 На поле открытом;
 Он вас топчет под собой,
 Бьет своим копытом.
 Колокольчики мои,
 Цветики степные!
 Не кляните вы меня,
 Темно-голубые!
 Я бы рад вас не топтать,
 Рад промчаться мимо,
 Но уздой не удержать
 Бег неукротимый!
 Я лечу, лечу стрелой,
 Только пыль взметаю;
 Конь несет меня лихой, —
 А куда? не знаю!
 Он ученым ездоком
 Не воспитан в холе,
 Он с буранами знаком,
 Вырос в чистом поле;

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

И не блещет как огонь
 Твой чепрак узорный,
 Конь мой, конь, славянский конь,
 Дикий, непокорный!
 Есть нам, конь, с тобой простор!
 Мир забывши тесный,
 Мы летим во весь опор
 К цели неизвестной.
 Чем окончится наш бег?
 Радостью ль? кручиной?
 Знать не может человек —
 Знает бог единый!
 Упаду ль на солончак
 Умирать от зною?
 Или злой киргиз-кайсак,
 С бритой головою,
 Молча свой натянет лук,
 Лежа под травой,
 И меня догонит вдруг
 Медною стрелою?
 Иль влетим мы в светлый град
 Со кремлем престольным?
 Чудно улицы гудят
 Гулом колокольным,
 И на площади народ,
 В шумном ожиданье,
 Видит: с запада идет
 Светлое посланье.
 В кунтушах и в чекменях,
 С чубами, с усами,
 Гости едут на конях,
 Машут булавами,
 Подбочась, за строем строй
 Чинно выступает,
 Рукава их за спиной
 Ветер раздувает.
 И хозяин на крыльцо
 Вышел величавый;
 Его светлое лицо
 Блещет новой славой;
 Всех его исполнил вид
 И любви, и страха,
 На челе его горит
 Шапка Мономаха.
 «Хлеб да соль! И в добрый час! —
 Говорит державный, —
 Долго, дети, ждал я вас
 В город православный!»
 И они ему в ответ:
 «Наша кровь едина,
 И в тебе мы с давних лет
 Чаем господина!»

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Громче звон колоколов,
 Гусли раздаются,
 Гости сели вокруг столов,
 Мед и брага льются,
 Шум летит на дальний юг
 К турке и к венгерцу —
 И ковшей славянских звук
 Немцам не по сердцу!
 Гой вы, цветики мои,
 Цветики степные!
 Что глядите на меня,
 Темно-голубые?
 И о чем грустите вы
 В день веселый мая,
 Средь некошеной травы
 Головой качая?

Когда природа вся трепещет и сияет,
 Когда её цвета ярки и горячи,
 Душа бездейственно в пространстве утопает
 И в неге врозь её расходятся лучи.
 Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
 Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
 Не развлекаюсь я смиренною природой,
 И немощен её на жизнь мою напор.
 Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
 Сосредоточен я живу в себе самом,
 И сжатая мечта зовёт толпы видений,
 Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
 Иду меж озимей, чернеющей дорогой;
 Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
 На пруд и мельницу, на дикий косогор,
 На берег ручейка болотисто-отлогий,
 И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клён,
 Ещё зелёный дуб и жёлтые берёзы
 Печально на меня свои стряхают слёзы;
 Но дале я иду, в мечтанья погружён,
 И виснут надо мной полунагие сучья,
 А мысли между тем слагаются в созвучья,
 Свободные слова теснятся в мерный строй,
 И на душе легко, и сладостно, и странно,
 И тихо всё кругом, и под моей ногой
 Так мягко мокрый лист шумит благоуханный.

Тебя так любят все! Один твой тихий вид
 Всех делает добрей и с жизнью мирит.
 Но ты грустна; в тебе есть скрытое мученье,
 В душе твоей звучит какой-то приговор;

Золотой век русской поэзии (хрестоматия)

Зачем твой ласковый всегда так робок взор
И очи грустные так молят о прощенье,
Как будто солнца свет, и вешние цветы,
И тень в полдневный зной, и шёпот по дубравам,
И даже воздух тот, которым дышишь ты,
Всё кажется тебе стяжанием неправым?

Перечень использованных информационных ресурсов

1. Амелина Е.В. Литература: общеобразовательная подготовка: учебное пособие для колледжей/ изд.2-е. – Ростов н/Д: «Феникс» – 2020. – 447 с.
2. Демидова Н.А., Колокольцев Е.Н., Курдюмова Т.Ф. «Литература. Базовый уровень. 10.»/ под ред. Курдюмовой Т.Ф. / «Дрофа» – 2021. – 448 с.
3. Лысый Ю.И., Беленький Г.И., Воронин Л.Б. «Литература. Базовый уровень. 10.» – М., Мнемозина, – 2020. – 426 с.
4. Литература: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования для /Под редакцией Обернихиной Г.А. в 2 ч. Ч.1 – М.: «Академия», 2018. –432 с.
5. Интернет-ресурсы «Литература»: Режим доступа: [ru. wikipedia. org](http://ru.wikipedia.org)